

праславянского языка из указанной цепи языков представляет собой три глобальных процесса, а именно формирование, генерализацию и распад группофоном. Внутри этих глобальных процессов прошло много более частных процессов. Все это нашло отражение в настоящем пособии. Собственно, в нем показано, как работает теория группофоном. Изложения в нем ведутся так, чтобы они не принимались на веру, а принимались потому, что они обоснованы. На наш взгляд, в пособии могло бы быть больше иллюстративных примеров, чтобы учащиеся лучше поняли отдельные явления проходимого материала.

Алеш Бранднер

Дегтярев, В. И.: Дiachроническая грамматика русского языка. Древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении. Научное издание. Ростов-на-Дону, НМЦ «Логос», 2007. – 240 с. ISBN 5-7051-0217-8

Имена собирательные в современном русском языке, как и в остальных славянских языках, образуют лексико-грамматический класс имен существительных, объединяемых общим характером предметно-логического содержания – обобщенно-качественными представлениями множеств однородных в каком-либо отношении или одноименных единиц. Исторически – это лексические средства выражения множественности, генетически предшествовавшие грамматической категории числа. К именам собирательным можно отнести только то имя существительное, которое обладает грамматически выраженным значением собирательности. Имена собирательные не изменяются по числам. В др.-русс. языке они составляли лексико-грамматический класс имен существительных словообразовательного характера.

В «Введении» (с. 3–23) автор настоящей работы определяет актуальность ее темы, разработанной на историческом и сравнительном материале др.-русс. языка. Категория имен собирательных в др.-русс. языке к моменту возникновения славянской письменности находилась в состоянии уже весьма близком современному. В истории русск. языка данной проблематики касались классики русск. языкознания (особенно: М. Смотрицкий, М. В. Ломоносов, Н. И. Греч, А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий, Г. Павский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев) в своих грамматических учениях, да и в учебных пособиях по исторической грамматике русск. языка ей уделяется какое-то внимание. По словам автора, в результате в них собран основной фактический материал, но результаты специальных исследований несколько не повлияли на изложение данной темы ни в вузовских учебниках, ни на практике издания и комментирования древних памятников книжности, ни при составлении словарей др.-русс. и ст.-русс. языков. История имен собирательных в них оторвана от ее начала (истоков), от древнейших праязыковых состояний. Исследование в предлагаемой работе основывается на письменных источниках др.-русс. и других славянских языков, сравнительно-исторических и типологических данных. Исследуются хронологические срезы от реконструируемого праслав. состояния до расчленения др.-русс. языка. Однако рамки исследования значительно расширены, поскольку исторические процессы развития категории собирательности прослеживаются в письменности до конца XVII в.

Генетические истоки собирательности в языке и в мышлении разбираются в первой главе («Собирательность в семантической структуре грамматической категории числа», с. 24–56). Собирательность облекается в формы выражения ед. и множ. числа. Только исторически можно объяснить, почему в том или ином конкретном языке предпочтительной оказывается форма ед., или множ. числа. Современный характер категории числа сформировался на индоевропейской основе вместе с оформлением флексии, когда флексия была приспособлена для выражения количественных отношений наряду с выражением падежных

отношений и родовых значений. До флексии количественные отношения выражались лексически или с помощью словообразовательных суффиксов; слово в своей основной форме совмещало значение единичности и совокупной множественности. Праслав. язык представляет собой давно сложившийся флективный строй. В настоящей главе реконструируются отдельные славянские примеры индоевропейского происхождения, представляющие т. наз. общее число (количественность выражалась словом, совмещавшим в общей форме значения единичности и множественности). Общее число в праслав. языке уже не функционировало. Его формы были вытеснены оппозицией форм ед. и множ. числа, в которую на определенном этапе включилось и двойств. число. В праиндоевропейском языке продуктивным суффиксом собирательного значения в пассивном (т. е. неодушевленном) классе имен был основообразующий формант *-a, трансформированный в истории индоевропейских языков в окончание именительного и винительного падежей среднего рода. Имена собирательные на -a функционировали на ранней стадии праслав. языка. Автором здесь представлен фактический материал славянских, балтийских, как ближайших к ним, и других индоевропейских языков, в которых есть подлинные индоевропеизмы или индоевропейские архаизмы. Рефлексы встречаются в славянских языках. Они стали именами *pluralia tantum* (ср.: *кола, уста, дръва*), другие лексикализовались в формах женского рода (ср.: *зима, укра, слава, вода, тьма*). Они отражали такое состояние праслав. языка, когда только формировалась грамматическая категория числа и современная категория рода. Поэтому одни из них оказались в среднем роде, другие в женском, соответственно – множественного или единственного числа.

Во второй главе анализируются способы и средства выражения собирательных значений в др.-русск. языке («*Способы и средства выражения собирательных значений в древнерусском языке*», с. 57–128). Функционировавшая в др.-русск. языке система типов имен собирательных сложилась на праслав. основе. Имена собирательные представляли наиболее архаическое средство выражения множественности. Одним из диагностических признаков было то, что они сочетались с собирательными числительными в количественных значениях. Праслав. адъективный субстантивированный формант ед. числа среднего рода -*ие* (тип *камение*) абстрагировал собственно собирательное значение совокупности неодушевленных предметов; он оказался наиболее продуктивным в выражении понятий среднего рода во всех славянских языках, особенно в др.-русск. языке. В употреблении он засвидетельствован в ст.-русск. период (XV–XVII вв.) в деловом и бытовом общении, засвидетельствован в современных русских говорах и в стилистически сниженной речи (ср. др.-русск.: *яблоніе, листьє, зелиє, зереньє*). Автор счел полезным провести реконструкцию древнейшего праслав. пласта имен собирательных этого типа, по возможности более полно отражающего исходное состояние (см. с. 63–77).

Праслав. формант **ьja* был, по-видимому, еще на индоевропейской основе в составе праслав. диалекта осмыслен как суффиговая флексия ед. числа женского рода (ср.: **bratrъja*). Предполагается, что такие образования восходят к субстантивированным прилагательным. Указанные словообразовательные модели собирательности были противопоставлены по характеру выражаемых множеств: первая использовалась для обозначения множества неодушевленных предметов (ср.: *каменья, листьа, троупья*), вторая – для обозначения множества лиц мужского пола (ср.: *братия > братья, дружья > друзья, князья > князья*). Первое значение опирается на формы среднего рода, а второе – на формы женского.

Индоевропейский основообразующий формант *-i в праславянском и в самостоятельных древних славянских языках применялся для субстантивации вербальных и адъективных основ; с ними генетически связаны инфинитивы (ср.: *алькати // лакати, дати, жити* × *дать* «даяние», *зорь* «разорение», *зыбь* «трясина»). После падения редуцированных в др.-русск. речи оформилась бессуффиксная модель имен собирательных женского рода с мягким согласным исходом от вербальных и адъективных основ в значениях личных (ср.: *погань* «языч-

ники», *бъжь* «беженцы») и предметных (ср.: *зелень* «зеленое, незрелое», *волось* «волосы»). Особую группу составляют др.-русск. этнические наименования (ср.: *воть* – ст.-русск. название удмуртов, *пермь* – др.-русск. название народа коми). В др.-русск. летописях засвидетельствовано, что этнические понятия выражались обеими формами числа, не составляющими корреляции (ср.: *русь* – *руси*, *прусь* – *пруси*). Древнейший индоевропейский тип собирательных неодушевленного класса *-а был утрачен еще в раннепраславянский период. В др.-русск. языке сложились новые словообразовательные типы имен собирательных женского рода на -а (ср.: *посудь* > *посуда*). В др.-русск. языке использовались три форманта множественного числа для образования этнонимов: -ьци /-ци (ср.: *володимерьци*, *ньмци*), -ичи (ср.: *дрезовичи*, *кривичи*) и -яне (ср.: *поляне*, *моравляне*). Формы множ. числа последних соотносились с сингулятивами на -инь (ср.: *полянинь*, *моравлянинь*). Собирательность в значениях форм множ. числа наименований детенышей на -я (ср.: *агня*, *козля*, *жеребя*) сохранилась в говорах (ср.: *гуся*, *теля*, *порося*). Здесь стабилизовался основообразующий согласный формант *-ent (< *-et-); получилась таким образом модель собирательных форм множ. числа среднего рода на -ят-а (ср.: *ягнята*, *козлята*, *жеребята*).

В праслав. состоянии, а затем и в других славянских языках развитие системы морфологических типов имен собирательных основывалось преимущественно на формах ед. числа; это в наибольшей мере соответствует характеру собирательных понятий. В др.-русск. языке выделяются новые формативы имен собирательных ед. числа: кроме форматива -ие (> -ье) относятся также типы на -ьникъ // -ьякъ (ср.: *малинник*, *березнякъ*), -ин-а (ср.: *березина*), -ьств-о (ср.: *братство*), -от-а (ср.: *беднота*), -еж-ь (ср.: *ребятежь*), -ьб-а (ср.: *пастьба*). Если в современном русск. языке, как и в других славянских языках, собирательные понятия выражаются преимущественно именами собирательными ед. числа, то это объясняется тем, что формирование типов собирательности исторически основывалось на функционально-семантическом развитии, а иногда переосмыслении номинативных значений, выражаемых формами ед. числа.

В древней славянской письменности имена собирательные замещали отсутствовавшие или менее продуктивные грамматические формы множ. числа. Это явление отражает сложные процессы грамматикализации выражения количественных отношений. Ситуация в др.-русск. языке рассматривается в третьей главе («Функционирование имен собирательных в древнерусском языке», с. 129–159). Имена собирательные типа *братия* выражали совокупное множество лиц. Собирательная форма ед. числа постепенно переходила в форму множ. числа – *братья*. Имена собирательные ед. числа на -ие (тип *камение*), выражавшие множества неодушевленных предметов в совокупности или массе, тоже функционировали как словообразовательные средства множественности. Наряду с ними возможны были и обычные формы множ. числа – *камени*. В др.-русск. языке старшей письменной поры имена собирательные на -ие (-ье), имея силу множественности, замещали грамматические формы множ. числа. В ст.-русск. период при указании на множество предметов применялось имя собирательное, а при указании на определенное количество – форма множ. числа. В принципе можно сказать, что имена собирательные на -ье в значительной мере сохраняли архаическую функцию выразителей множественности вплоть до формирования национального русск. языка. Постепенное преобразование имен собирательных в грамматические формы множ. числа является общеславянской исторической закономерностью. Модель имен собирательных типа *братия* восходит к форме множ. числа индоевропейского субстантивированного адъектива, принятой на праслав. почве за форму женского рода ед. числа. Значение множественности покрывалось их номинативными формами ед. числа. Собирательная модель типа *камение* применялась для обозначения сплошной массы, и, чтобы предоставить эту массу предметов расчлененно, от называющих имен собирательных среднего рода образовались грамматические формы множ. числа.

В формах согласования сказуемого и определения с именами собирательными проявляется специфический характер древнейшей структуры простого предложения, отличный от его современного состояния. Основные тенденции развития структуры простого предложения др.-русск. и древних славянских языков описываются в четвертой главе («Синтагматическая морфология имен собирательных в древнерусском языке», с. 160–187). На основании др.-русск. и русск.-цслав. данных можно сказать, что имена собирательные, обозначавшие совокупность лиц, согласовали сказуемое, выраженное во множ. числе, т. наз. согласование по смыслу (ср.: *Проводиша князя все поповство*). Имена собирательные, обозначавшие неодушевленные предметы, принимали сказуемое в ед. числе (ср.: *Камень свято валяет ся по земли*).

Во многих территориальных диалектах русск. языка XIX–XX вв. отражаются архаические нормы согласования, однако в обновленном виде. Дело в том, что древние типы имен собирательных перешли в грамматические формы множ. числа и, таким образом, реализовали свою исконную функцию выражения множественности, а категория собирательности исторически заметно лексикализовалась. Поэтому согласование по смыслу охватывает и такие имена существительные, которые не имеют грамматических признаков имен собирательных (ср.: *Вся бригада приедут, Вся семья работали*).

Оформление атрибутивных сочетаний имен собирательных в др.-русск. языке проявлялось таким способом, что определения, выраженные согласуемым местоимением, прилагательным и действительным причастием, принимали форму ед. числа, как и имя собирательное согласовалось с ним в грамматическом роде (ср.: *Бо бяше любы в братьи тои*). Случались и нарушения этого правила (ср.: *Князь нашъ и братья наши погыбли*).

Пятая глава настоящей монографии посвящена изучению процессов, которые произошли в употреблении имен собирательных («Диахронические процессы в функционировании имен собирательных в русском языке», с. 186–206). Процесс становления грамматической парадигмы числа, начавшийся на праиндоевропейской основе, продолжался и в старший период развития славянских языков. Этот процесс захватил и имена собирательные, поскольку они исконно включались в парадигмы числа как выразители множественности. Преобразованию подверглись только те типы имен собирательных, которые функционировали в качестве форм множ. числа. Плюрализация затронула имена собирательные на *-ия* (ср. новообразования: *братья, мужья, друзья*) и на *-ие* (ср. новообразования: *клячья, листьа, деревьа*). Этот процесс происходил в русск. языке наиболее активно в XV–XVII вв. Таким образом формировалось новое отношение «единственное – множественное (число)» на месте первоначального «единичность – собирательность». Постепенная утрата именами собирательными их исконной функции привела к снижению продуктивности их типов, полностью вытеснила имена собирательные из системы формообразования в сферу лексики (на уровень словообразования); собирательные понятия нашли другой способ выражения – лексико-семантический. Грамматикализация древнейших типов собирательности характеризует сложный процесс формирования и развития грамматических парадигм числа.

Вслед за изложениями приводится список сокращений, употребляемых в тексте («Сокращения», с. 213–215), список источников («Источники», с. 228), словарей («Словари», с. 229–230), карточек и древлехранилищ («Картотеки и древлехранилища», с. 230), откуда автор брал иллюстративные примеры для своих изложений. Далее следует обзор лингвистической литературы, относящейся к исследуемой проблематике («Литература», с. 231–238). В конце книги помещено содержание («Оглавление», с. 239).

Собирательность исторически сыграла важную роль в формировании и развитии грамматической категории числа во всех индоевропейских языках. Этим обстоятельством определяется актуальность автором разработанной темы, рассматриваемой на историческом и сравнительном материале др.-русск. языка.

Алеш Бранднер